

ЭМОЦИИ В ЯЗЫКЕ

СМЕШАННАЯ ЭМОЦИЯ И ЕЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ (на примере номинации «нелюбовь»)

А.А. Штеба

Кафедра романской филологии
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
пр. Ленина, 27, Волгоград, Россия, 400066

Исследование посвящено рассмотрению частного случая языковой категоризации эмоций в семантико-функциональном аспекте — вербализации смешанных эмоций, который является малоизученным в современной лингвистике. Показан процесс отражения в языке представления о поливалентности любого эмоционального переживания: от скрытой эмотивной амбивалентности эмоции до ее явной экспликации. Постулируется, что сема 'смешанность' ингерентно присуща любому слову, в семантике которого имеются смысловые компоненты 'эмоция' и 'оценка'. Данный тезис рассматривается на материале слитного и раздельного написания частицы НЕ с глаголами и существительными, которые используются для описания процесса категоризации смешанных эмоций. Раскрывается прагматический потенциал выражения смешанных эмоций в ситуациях выражения эмоционального переживания: ориентация на собеседника, предвосхищение его эмоциональной реакции, поддержание конструктивной тональности общения. Показано, что категоризация смешанных эмоций является собой новый этап в языковой объективации сферы эмоционального и является маркером развитой эмоциональной компетенции *homo sentiens*.

Ключевые слова: эмотивность, семантика, эмсема, смешанные эмоции, эмоциональная категоризация.

Симптоматичным признаком современного информационного общества является эмоциональная энтропия, когда границы субъективной объективации действительности размываются или исчезают. Как пишет Ф.И. Гиренок, чувство стало цитатой, т.е. перестало быть чувством: «дело не в том, что ты чувствуешь, а в том, что ты говоришь о чувстве» [2. С. 10]. Клиповость сознания отразилась и на стереотипности выражения эмоций. Это представляет собой «регрессивный прогресс» в форме экспликации эмоциональных переживаний без непосредственного переживания последних, что становится показателем бесчувственности говорящего. О последнем свидетельствует, к примеру, обильное использование разного рода аффективов в опосредованном сетью интернет-общении.

Инвективная лексика теряет свой деструктивный вектор, а практически любое событие получает однотипную аффективную оценку, исходя из типологии язык-речевых средств выражения эмоций В.И. Шаховского [9. С. 27]. В последнее время одними из самых распространенных междометий среди молодежи стали слова *тупец* и *капец*.

Такая популярность обусловлена рядом факторов, одним из которых является стремление «играть» на грани дозволенного, провоцировать окружающих. Последнее само собой представляет исследовательский интерес, особенно с проекцией на коммуникативные интенции говорящего в момент выбора из парадигмы возможных аффективных единиц для характеристики ситуации ту, которая формально не является табуированной, но при этом ассоциируется с нею и несет с собой шлейф запрещенного, порицаемого социальной нормой. Примечательно, что, как и любой аффектив, эмоционально-смысловые валентности указанных слов бесконечны и вбирают в себя оба противоположно-оценочных края шкалы оценки.

Так, на запрос со словом *капец* в поисковой системе Google.ru получены следующие результаты (орфография и пунктуация текстов-источников сохранены): *Я ржал Капец ржаса смотреть всем; Это конечно капец! Но я ржал!!!; Я дико ржал. Капец!; Мой позор(((ужас(((капец полный; Капец я в шоке!!! Офигеть).*

Кроме того, любая ситуация (бытовая, экономическая, общественно-политическая) оценивается тождественно (*Метро ужас (капец); Все капец! Но как то почему то все вполне нормально; Синий экран. Компьютеру капец?; Луганских беженцев понаехало, что капец...; Капец какой он классный*). Укажем, что и эмодзи также лишаются своей функции экспликации той или иной эмоции в момент опосредованной коммуникации, став эмоционально-индифферентным коррелятом текстового сообщения.

С другой стороны, идет процесс поиска новой формы выражения эмоций, когда «означаемое есть, а означающего во мне нет», что подобно процессу формирования порядка из хаоса. Ф.И. Гиренок предупреждает: «Главное, чтобы такое поисковое сознание не было раздавлено глыбой культуры» [2. С. 32], то есть нормы и конвенции. Следовательно, подобное неравновесное состояние системы эмоций, хаос в сфере их выражения имеет свои положительные последствия. Например, интуитивно осознается синкретичность объективации действительности, в том числе в форме ее языковой категоризации.

Если речь идет об эмоциях, то принимается во внимание их поливалентность. Показательным является создание оксюморонных единиц, выражающих одновременно прямо противоположные эмоции (например, *ils se sont déchirés, tirillés, rudoyés et stigmatisés des mois durant avant de finir par avoir le béguin: les deux grosses têtes de la scène politique locale se sont dit «je te haime»* (Ennahdha-Nidaa Tounes: les amants qui se cachent. <http://www.businessnews.com.tn>) — *На протяжении нескольких месяцев они ругались, ссорились, грызлись и бичевали друг друга вплоть до момента, когда поняли, что влюблены: два видных представителя местной политической сцены признались: «Я тебя ненавилю»*. — Перевод наш. — А.Ш.) Данное энтропийное слово характеризуется смысловой неравновесностью и неустойчивостью, предполагает неопределенный исход рефлексивных векторов при его восприятии и понимании.

Энтропия является мерой неравновесности и неустойчивости, а также возмущения состояний рефлексии и языкового сознания. Она связана с растождествлением идей, мыслей, представлений. Поэтому ее примерами выступают абсурд и оксюморонные словосочетания. Важно, что энтропия может оказывать как конструктивное, так и деструктивное воздействие на коммуникацию. Конструктивно она является фактором развития интеллекта человека, заставляя его анализировать, связывать и системно организовывать новую и старую информацию [4. С. 255—259].

Создание единиц номинации эмоций может быть вызвано либо неадекватностью имеющихся форм либо прагматической нейтральностью известных способов выражения эмоциональных переживаний. Вне зависимости от причины все чаще языковым сознанием сознательно и/или интуитивно категоризируются смешанные эмоции.

Следует учитывать, что сема 'смешанность' присутствует в любом слове, которое выражает либо потенциально способно стать средством экспликации эмоций. Смешанность есть архисема для ингерентно присутствующих в семантике каждой лексической единицы смысловых признаков 'оценка' и 'эмоция', которые конкретизируются в той или иной ситуации тем или иным пользователем языка сообразно с его коммуникативным намерением.

Процесс категоризации смешанных эмоций проходит ряд этапов: от осознания неоднозначности и эмоционально-смысловой поливалентности любого эмоционального переживания через использование словосочетания *смешанные эмоции* для экспликации неопределенного эмоционального переживания к созданию самостоятельных видовых единиц номинации родового понятия смешанных эмоций. Далее будет подробно рассмотрен структурно-семантический и функционально-прагматический потенциал одного из таких образований — лексической единицы *нелюбовь*.

Понятие *нелюбовь* представляет особый лингвистический интерес по ряду причин, поскольку семантика слов со значением эмоциональных свойств и состояний все еще остается недостаточно изученной.

В работе Ю.Д. Апресяна [1. С. 285—316] приводится ряд значимых для понимания феномена смешанных эмоций положений. Морфологически слово *нелюбовь* образовано префиксальным способом путем присоединения приставки *не* к основе слова. Соответственно создана оппозиция *любовь-нелюбовь*, которая имеет следующие особенности:

а) данные антонимы семантически несимметричны. При сравнении двух оппозиций (*любовь* VS *ненависть*; *любовь* VS *нелюбовь*) обнаруживается то, что они различаются по разным основаниям. Это значимо для последующего анализа: *любовь* и *ненависть* являют собой активные, синхронные или асинхронные некоторому стимулу реакции, деятелем которых является субъект, переживающий и реализующий их. *Нелюбовь* есть пассивная, как правило, асинхронная реакция; она переживается, но не становится стимулом для осуществления субъектом значимых для хода коммуникации действий;

б) несимметричность *любви* и *нелюбви* объясняется тем, что антонимы с компонентом 'больше' семантически проще антонимов с компонентом 'меньше', т.е. конденсация смысла в слове *любовь* шире заключенного в семантически неопределенном слове *нелюбовь* содержания. Безграничные эмоционально-смысловые валентности слова *любовь* постоянно обогащаются и модифицируются, семантика этой лексической единицы насыщается разного рода историческими, культурными, этническими коннотациями [по: 3].

Сказанное несопоставимо с актуально ограниченными валентностями слова *нелюбовь*, у которого еще отсутствует четкое определение, функционально-семантический аспект которого не изучен. Однако нужно учитывать, что в процессе словообразования производная основа изменяется не только формально, путем присоединения к первообразной основе словообразовательного элемента, но и в смысловом отношении посредством сложения смысла первообразной основы и словообразовательного элемента [7. С. 354]. Эта формально-смысловая осложненность производного слова интересна у высокообъемных средств выражения эмоциональных переживаний, каким является *любовь*, когда становится непонятно, для чего отрицается наличие любви, если есть диаметрально противоположная ей эмоция ненависти; а в случае, когда она не соответствует переживаниям говорящего (собственно ситуация выражения нелюбви), отсутствует прямое указание на то, какая именно составляющая любви отрицается и каков будет остаток;

в) в оппозиции *любовь* VS *нелюбовь* отрицанием является констатация оценки степени наличия составляющих идеальной любви сообразно с социальной нормой и индивидуальным восприятием. Рассуждая на тему практически исключительного написания в русском языке приставки *не* с глаголами раздельно, М.Н. Эпштейн приходит к выводу о необходимости реформирования данной грамматико-орфографической нормы в тех случаях, когда нужно выделить положительный смысл отрицательного глагола [10]. В то же время слитное написание существительного *нелюбовь*, что предполагает утверждение, на самом деле однозначно выражает только часть смыслового содержания этой лексической единицы — сему 'отторжение', когда собственно то, что кажется говорящему отклоняющимся от нормы не получает прямого обозначения, а также само эмоциональное переживание не конкретизируется в прагматических и/или эстетических целях;

г) срединным, или нулевым, членом между полюсами признака, т.е. нормой, на основе которой противопоставляются *нелюбовь* и *любовь*, является положительное эмоциональное переживание и степень отклонения от него, а не просто нейтральность и отклонение от нее как у любви и ненависти.

Слово *нелюбовь* не обладает аналогичным *любви* сочетаемостным потенциалом, наиболее ярким показателем чего выступает отсутствие глагола *нелюбить* в лексической парадигме русского языка, а также принципиальная орфографическая невозможность появления подобного слова. На наш взгляд, это объясняется сравнительно меньшей частотностью и инновативностью понятия *нелюбовь*, его эмоционально-смысловой флукуативностью, а также возможностью использования его в конструкции V + N (*испытывать/переживать* + *нелюбовь*).

В функциональном аспекте отсутствие глагола *нелюбить* в русском языке указывает на начальный этап закрепления слова *нелюбовь* в обиходе и постепенное определение его интерпретативно-смысловых рамок. *Нелюбовь* объективируется как данность, но говорящий пока не производит действий с данной смешанной эмоцией — цель заключается в категоризации, а не преобразовании сферы эмоционального. М.Н. Эпштейн [10], разграничивая функционально-семантическое содержание понятий *не любить* и *нелюбить*, указывает, что в первом случае просто отрицается факт любви, а во втором — утверждается переживание отличных по оценочному знаку эмоций к собеседнику (неприятность, нерасположение). Далее исследователь развивает свою мысль и заключает, что отсутствие любви есть нечто иное, чем наличие нелюбви. *Нелюбовь* характеризуется цитируемым автором как весьма острое, сильное, активное чувство, отличающееся от ненависти.

Мы полагаем, что, напротив, именно по признаку ‘активность/пассивность’ *ненависть* и *нелюбовь* различаются семантически.

Подобные представленным выше выводам находим у Л.А. Новикова, анализировавшего случаи слитного написания *не* с глаголами. Исследователь приходит к выводу, что оно выражает не простое отрицание, а утверждает самостоятельное содержание [8. С. 651]. Этим положительным значением становится появление новой номинации эмоционального переживания (*нелюбовь*). Содержание понятия и его объем четко не определены, но при этом декларируется его отличие от, к примеру, отвращения, неприязни, ненависти. Можно предположить, что дифференциальным элементом, различающим *нелюбовь* от указанных эмоциональных переживаний, выступает последовательный, эволюционный, прогрессивный и отсроченный характер образования данной эмоции.

Анализ примеров Национального корпуса русского языка показывает, что *нелюбовь* употребляется для обозначения недовольства (*Или, ближе к нашей теме, спросим: откуда такие претензии к Чехову, такая нелюбовь?* / Кушнер А.), отвращения (*С чего началась его нелюбовь к людям, трудно сказать* / Слаповский А.), неприятие (*Зная его агрессивную нелюбовь к посещениям магазинов, Ольга поступила просто* / Донцова Д.), отсутствия симпатии (*Вот такая рокировка: он ко мне — я от него. Любовь — нелюбовь. — Варенька!* / Синицына В.); она отличается по степени интенсивности, варьируясь от легкой (*Во-первых, нелюбовь к Москве должна быть «легкой»* / Белозерцева И.) до горячей (*Так что поначалу было не ясно, чем была вызвана столь горячая его нелюбовь ко мне* / Воронель Н.), злобной (*Только злобную нелюбовь к враждебному племени жизнь из него выкорчевывала иначе, куда более жестоко...* / Семенова М.)

Не любви противопоставляются как положительно-, так и отрицательно оценочные эмоциональные переживания: интерес (*В объятиях нежной Эмилии он наслаждался тем счастьем, которое многим кажется химерою, счастьем, неизвестным для людей, которых союзом был интерес, а не любовь* / Брусилев Н.), симпатия (*Надо завоевать если не любовь, то хотя бы симпатию Америки* / Порошин И.), страсть (*Неужели вам не совестно заставлять оправдываться жен-*

щину, к которой вы испытываете если не любовь, то страсть / Слаповский А.), обожание (*Это даже не любовь была — обожание* / Грекова И.), страх (*И не любовь, не жалость зашевелились в душе Дуль-Дуля при одной мысли, что он может лишиться Ивана, а просто боязнь потерять доброго, верного и нужного слугу* / Чарская Л.), отчаяние (*Мой роман не оставил мне тех кротких, сладких воспоминаний счастья, упоений, как у других: в нем все лихорадочно, безумно; в нем не любовь, а отчаяние, безвыходность* / Герцен А.)

В результате путь формирования смешанной эмоции *нелюбви* и оформления ее эмотивной семантики проходит ряд этапов: (1) любовь — положительное эмоциональное переживание; (2) не любовь — смешанное эмоциональное переживание с вариативной положительной или отрицательной доминантой; (3) нелюбовь — отрицательное эмоциональное переживание.

Нелюбовь в форме утверждения декларирует отторжение, что приводит к полному отрицанию положительной семантики корневой основы, т.е. любви. *Не любовь* представляет собой отрицание любви, а именно, какой-то из ее составляющих, когда оценочный знак может оставаться положительным, но изменяется степень интенсивности, активности, насыщенности эмоционального переживания. Аналогично обстоит дело с разницей между *недругом* и *не другом*: в первом случае речь идет о *враге*, а аналогом *не друга* может выступать как *враг*, так и *товарищ*, соратник. В таком случае знак пробела обозначает метафизическую паузу, заключающую в себе выбор между противоположными полюсами шкалы оценки — это предоставление адресату возможности исправить ситуацию посредством предпринятых говорящим усилий по регуляции эмоциональной доминанты общения.

Обратимся подробнее к функциональному аспекту пунктуационных норм и грамматических правил, ограничивающих интерпретативные рамки толкования текста. Краткий экскурс в проблему слитного и раздельного написания текста [6] показывает, что изначально элитарным считалось именно сплошное письмо (*scriptio continua*).

Известно, что это становилось одной из значимых проблем перевода библейских текстов на европейские языки (два варианта написания: без пробелов, но с сохранением полных форм слов, или с пробелами, но с элиминированием гласных букв). Сплошной текст приводит к созданию эффекта «туннельного зрения», поскольку количество букв, которые способен воспринять и понять человеческий мозг, ограничено несколькими десятками. Однако данная манера написания наиболее полно и адекватно соответствует разговорной речи: тем ситуациям, когда человеку важен процесс коммуникации, а не ее результат в форме, скажем, воздействия на собеседника путем сознательного интонационного выделения некоторых слов или частей высказывания, замедления темпа речи и под.

Таким образом, наличие пробела означает движение к индивидуальному чтению через упрощение формы подачи материала. Но за грамматическим упрощением кроются и семантические ограничения, накладываемые на текст. Этим интерес-

на последовательная категоризация смешанных эмоций: (1) от моновалентной положительно-оценочной любви до (2) осознания оценочной амбивалентности любви; (3) от отрицания любви, не соответствующей коллективным нормам, т.е. не любви, (4) к утверждению моновалентной отрицательной нелюбви.

Однако *нелюбовь* являет собой смешанное чувство — это уже не любовь, но еще и не ненависть, а некое менее интенсивное переживание.

Наблюдения за спецификой написания отрицательной частицы *не* и слова *любовь* демонстрируют «пульс мышления» [5. С. 286], последовательную активацию нового элемента эмоциональной картины мира — от непонимания и разделения к осознанию и конвенционализации. При этом доступная индивидуальному обыденному пониманию *не любовь* превращается в элитарную *нелюбовь*, знаменуя собой появление ранее не существовавшего (отсутствие номинации свидетельствует о «неприрученности» эмоции) в языковой реальности смешанного эмоционального переживания.

Отрицание доверия, уважения в *не любви* указывает на деструктивные процессы, происходящие внутри эмоционального состояния. Подобно глыбам древних материков, данные «эмоциональные бреши» смыкаются или, исходя из принципа нетерпимости системы к пустоте, заполняются недоверием, неуважением, инфицируя эмоциональное переживание. Как любой вирус, антитела отрицательных эмоций постепенно трансформируют любовь в нелюбовь. Важно отметить, что на первый план выступает не появление противоположной эмоции — ненависти, а исчезновение любви. Поэтому нелюбовь является эмоциональным следом любви, не столько моментальной, сколько отсроченной реакцией на определенный стимул.

Исследуемая лексическая единица обладает не только безграничным эмоционально-смысловым потенциалом, но и обширными функциональными возможностями. Выше было указано, что подобные *нелюбви* энтропийные слова вмещают в себя два противоположно направленных вектора: конструктивный и деструктивный. Данную характеристику целесообразно перенести на функционировании слова в коммуникации. Его употребление будет, как правило, ограничено ситуацией экспликации эмоционального переживания. Деструктивность заключается в том, что адресат принимает единицу, семантика и прагматика которой еще четко не определены, однако отрицательная оценка задана достаточно конкретно. Употребление этой лексической единицы способно потенциально оказать негативное воздействие на ход коммуникации.

Специфика выражения смешанных эмоций заключается в том, что говорящий а) намерен продолжить коммуникативное взаимодействие с адресатом, что обусловлено, по сути, манипуляцией слушающим по принципу «и нашим, и вашим»; б) говорящий демонстрирует свою заинтересованность не только в коммуникации, но и в личности слушающего, т.е. ориентируется на него, что имеет форму предвосхищения возможной конфликтной ситуации по принципу «я тебя и люблю, и нет»; в) говорящий намерен остаться услышанным и выразить истинное переживание, но форма подобной экспликации будет максимально мягкой при условии

сохранения искренности; г) слушающий способен декодировать подобную конструктивную коммуникативную тактику, что приведет к сохранению положительной тональности общения: у коммуникантов появляется общая точка соприкосновения («Я тебя и люблю, и нет». — «Я тебя люблю». — Интегральный элемент ‘наличие любви’). Это позволит совместно устранить причину такого рода эмоциональной дисгармонии.

Все вышеперечисленное в полной мере относится к случаям использования в речи слова *не любовь*, когда собственно *любовь* не отрицается, а исключается только лишь одна из ее составляющих. Пробел символизирует в данном случае хрупкую грань «от любви до ненависти». Данное условие может привести либо к позитивизации общения посредством устранения отрицательной частицы, либо к негативизации через объединение частицы с основой, что будет уже не отрицать положительный, а утверждать отрицательный кластер эмоций с неопределенным содержанием.

Таким образом, проанализированный фактический материал позволил на нескольких примерах (*любовь-не любовь-нелюбовь*) рассмотреть процесс последовательной категоризации смешанных эмоций. Следует указать, что подобные *нелюбови* лексические единицы являются скорее исключениями, когда смешанность должна рассматриваться как ингерентная характеристика семантики любого эмоционального переживания вне зависимости от того, имеется ли в языке для него самостоятельная единица обозначения или нет.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
- [2] Гиренок Ф.И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). М.: Академический проект, 2014.
- [3] Говердовский В.И. Коннотемная структура слова. Харьков: изд-во «Выща школа», 1989.
- [4] Карманова З.Я. Феноменология слова: слово vs мысль. Монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2010.
- [5] Кольцова Л.М. Прагматика художественного текста в зеркале русской пунктуации // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 284—298.
- [6] Кротов Я. Революция пробела. XI век: революция в пении, революция в чтении. URL: http://krotov.info/yakov/history/11_moi/revoluzia_probela.htm.
- [7] Мельчук И.В. К понятию словообразования // Известия Академии наук СССР, сер. литературы и языка. 1967. Вып. 4. С. 352—362.
- [8] Новиков Л.А. Что стоит за слитным написание не- с глаголами у А.А. Потебни. Об одной особенности орфографии ученого // Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 642—652.
- [9] Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- [10] Эштейн М.Н. Отрицание как утверждение. Интегральная модель написания «не» с глаголами и другими частями речи // Культура письменной речи. URL: <http://www.grammar.ru/RUS/?id=1.90>.

MIXED EMOTION AND ITS FUNCTIONAL AND SEMANTIC POTENTIAL (exemplified with the word *dislike*)

A.A. Shteba

Romance Philology Chair
Volgograd State Socio-Pedagogical University
Lenin Ave., 27, Volgograd, Russia, 400066

The article touches upon the problem of language categorization of mixed emotions from the perspective of functional and semantic aspects. Using the word *dislike* as an example the author shows how the reflection process of polyvalency in any emotional experience is revealed in the language: from implicit emotive ambivalence to its explicitness. It is postulated that the seme “mixture” is inherent to any word that has “emotion” and “valency” semes as their semantic components. The above-mentioned thesis is revealed from the combined and separate spelling of the Russian particle “HE” with verbs and nouns that are used to describe the process of mixed emotion categorization. It is also proved that pragmatic potential of expressing mixed emotions in emotional situations includes the speaker’s target at his/her interlocutor, anticipation of emotional reaction, and maintenance of a constructive communication tonality. The article demonstrates that categorization of mixed emotions presents a new stage in verbal emotion objectification and is the evolution marker of human emotional intelligence.

Key words: emotivity, semantics, emotional seme, mixed emotions, emotion categorization.

REFERENCES

- [1] Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy, tom I. Leksicheskaya semantika* [Selected Works, Volume I. Lexical Semantics]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura». Moscow: RAN, 1995.
- [2] Girenok F.I. *Metafizika pata (kosnoyazychie ustalogo cheloveka)* [Metaphysics of a stalemate (tongue-tie of a tired man)]. Moscow: Akademicheskie proekt, 2014.
- [3] Goverdovskiy V.I. *Konnotemnaya struktura slova* [Connotative structure of a word]. Kharkov: Vyshcha shkola, 1989.
- [4] Karmanova Z.Ya. *Fenomenologiya slova: slovo vs mysl'* [Phenomenology of the word: the word vs thought]. Moscow: TEZAURUS, 2010.
- [5] Kol'tsova L.M. Pragmatika khudozhestvennogo teksta v zerkale russkoy punktuatsii [Pragmatics of an artistic text in the mirror of Russian punctuation]. *Vestnik VGU. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2003, issue 1, pp. 284—298.
- [6] Krotov Ya. *Revolyutsiya probela. XI vek: revolyutsiya v penii, revolyutsiya v chtenii* [Revolution of a space character. XI century: a revolution in the singing revolution in reading], available at: http://krotov.info/yakov/history/11_moi/revoluzia_probela.htm.
- [7] Mel'chuk I.V. K ponyatiyu slovoobrazovaniya [On the concept of word formation] // *Izvestiya Akademii nauk SSSR, ser. literatury i yazyka*, 1967, issue. 4, pp. 352—362.
- [8] Novikov L.A. Chto stoit za slitnym napisanie ne- s glagolami u A.A. Potebni. Ob odnoy osobenosti orfografii uchenogo [What is behind the writing of non-conjoint with verbs in A.A. Potebnya. On one particular spell of a scientist] // Novikov L.A. *Izbrannye trudy. Tom II. Esteticheskie aspekty yazyka. Miscellanea*. M.: Izd-vo RUDN, 2001, pp. 642—652.
- [9] Shakhovskiy V.I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical and semantic system of the language]. 2nd ed. M.: LKI, 2008.
- [10] Epshteyn M.N. Otritsanie kak utverzhdenie. Integral'naya model' napisaniya «ne» s glagolami i drugimi chastyami rechi [Denial of a claim. Integrated model of writing “not” with verbs and other parts of speech] // *Kul'tura pis'mennoy rechi*, available at: <http://www.grammar.ru/RUS/?id=1.90>.